
ОБЩИЕ ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ

Е.Ю. Рождественская
(Москва)

НАРРАТИВНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

В статье предлагается концептуализация понятия «нарративная идентичность», используемого в анализе (авто)биографии как истории жизни. Рассматривается специфика коммуникативного процесса «интервьюер-рассказчик», нацеленного на реконструкцию биографии, исходя из прединтерпретированности социального мира. Сравниваются существующие теоретические подходы к трактовке этого понятия на основе введения универсальных характеристик: нарративная организация временного ряда событий, отбор нарративных событий, риторические усилия рассказчика по прояснению контекстуальной зависимости и совмещению времени рассказа и рассказанного времени.

Ключевые слова: нарратив, идентичность, биографическое интервью, когерентность, биографическое событие, плот, сеттинг, сегментация, линейаризация, когнитивные фигуры рассказа.

Постановка исследовательской задачи

Биография как история жизни менее прозрачна и доступна пониманию в отличие от родственного понятия жизненного пути, который отмечен вехами институционального нормирования. Благодаря этому мы всегда ощущаем разрыв между нормой и идентичностью, тем менее заметный, чем больше от нас ждут предсказуемого

Елена Юрьевна Рождественская – кандидат философских наук, профессор ГУ-ВШЭ. E-mail: rusica@isras.ru.

поведения. В этом смысле биография имеет двойную структуру. Первая из них, наиболее очевидная, обусловлена социальной подотчетностью и является следствием институциональных практик, формирующих типичные биографии. Вторая структура связана с Я-концепцией ее носителя и поэтому обременена предварительным, до вмешательства социолога, смысловым конституированием. Говоря хабермасовским языком, биография открывается как *символически предструктурированный объект*. Ее носители и населяющие историю персонажи обладают полнотой того дотеоретического, еще нами не проинтерпретированного знания, с помощью которого они в состоянии компетентно говорить и согласованно действовать. Залогом *вменяемой*¹ им имманентной разумности выступает сам исследователь, такой же компетентный пользователь этого жизненного мира, но до той поры, пока он разделяет основные смыслы той же социальной группы, в которой их интересубъективно производит и интерпретирует. Чужой жизненный мир не авансирует социальному интерпретатору роли естественного герменевта, что собственно и было сформулировано Э. Гидденсом. Он пишет о «двойной» герменевтике в социальных науках, постулируя не только зависимость описания данных от теории и зависимость теоретических языков от парадигмы, но и актуальность проблематики понимания уже при *получении*, не только при *теоретическом описании* данных [1, р. 158]. Эта естественная прединтерпретированность социального мира, заключенного в рамки биографии как истории жизни некоего актора, создает иллюзию о совмещении предмета и метода, о проблематичном доступе к смысловому горизонту жизненного мира. О вытекающей из этого редукции полноты прожитого предупреждал П. Бурдьё: «Писать историю жизни, трактовать жизнь как историю, то есть как связанное повествование о значимой и направленной

¹ Вменяемость понимается вслед за Ю. Хабермасом как способность ориентироваться на притязания на значимость, которые направлены на интересубъективное признание в коммуникативном акте.

последовательности событий, – это, возможно, равноценно принесению себя в жертву риторической иллюзии, общим представлениям о существовании, укреплять которые литературная традиция никогда не прекращала» [2, с. 77]. Значение и направленность/линейность отобранных событий суть артефакты создаваемого впечатления об идентичности жизни и истории о ней. П. Бурдые видит теоретический выход в «построении понятия *траектории* как серии *положений*, последовательно занимаемых одним и тем же агентом (или даже группой агентов) в свою очередь меняющемся пространстве и подчиненного нескончаемым трансформациям», отмечая как абсурдную попытку «понять жизнь как уникальную и самодостаточную серию последовательных событий, не имеющих других связей кроме как ассоциирования с неким “объектом”, обладающим единой константой в виде имени собственного» [2, с. 80]. На наш взгляд, П. Бурдые здесь сводит биографический анализ к анализу фактически жизненного пути, который есть объективная траектория последовательно занимаемых социальных позиций актора, но при этом элиминирует нарративную составляющую биографического анализа.

Не будучи удовлетворенными такой радикальной позицией, мы предпринимаем попытку в статье концептуально проинвентаризировать коммуникативный процесс *нарративного интервью*, нацеленного на реконструкцию биографии. При этом наши герменевтические ожидания, по-витгенштейновски, связаны с контекстом ориентированного на взаимопонимание действия, соответственно, нас будут интересовать универсальные характеристики системы референций для пары *интервьюер-рассказчик*: нарративная организация временного ряда событий, квалификация нарративных событий и система их отбора, риторические усилия рассказчика по прояснению контекстуальной зависимости и временной ориентации в рассказе. Предпринимаемая попытка построения концептуальной модели в итоге представляет собой ступень к обоснованию *нарративной идентичности* как резуль-

тата коммуникативного процесса интервью. Такая постановка исследовательской задачи предполагает последовательный отказ от онтологического статуса идентичности, производимой в рамках нарративного биографического интервью, и переориентирует в направлении квалификации нарративных усилий рассказчика по созданию форм самообоснования, упорядочивающих жизненный опыт и преодолевающих несвязность биографических событий.

Нарративная модель: от события к истории

Если следовать логике представленных в названии статьи терминов, то, прежде всего, проясним понимание *нарративного подхода* к анализу коммуникативной формы рассказывания/повествования. Под нарративное подпадает широкий круг повествовательных форм – роман, анекдот, пиаровская легенда фирмы, история драматического старта в болезнь и т.д. Различаемы литературное рассказывание (в письменной форме литературы), разговорное рассказывание (в устной форме повседневных разговоров) и институциональное рассказывание (в функциональной связи с запросами социальных институтов). Понятие нарратива отсылает, по мнению С. Зенкина, скорее к идеологически ответственному повествованию, в котором акцент делается не на событие рассказывания, а на сами рассказываемые события, на «историю», которая как-то сама собой упорядочена еще до текстуального изложения [3].

Широко разработанное в литературоведении понятие нарративности в классической традиции основывается на признаках коммуникативной структуры – присутствии рассказчика/нарратора и повествуемого мира, т.е. опосредствованности этого мира [4, с. 12]. В структуралистской парадигме признаком нарративности является не столько структура коммуникации, сколько признак структуры самого повествуемого. Примером систематического описания нарратива может служить предложенная модель В. Тюпы: «Он являет

собой текстопорождающую конфигурацию двух рядов событийности: референтного и коммуникативного» [5, с. 8], оставляющая тем не менее открытым вопрос о сути событийности как таковой.

Итак, нарративные тексты обладают темпоральной структурой и излагают некую историю, подразумевающую событие. Что есть *событие*? В первом приближении – изменение исходной ситуации во вне (естественные, акциональные и интеракционные события) и внутри (ментальные события). С точки зрения Ю. Лотмана, под событием понимается «перемещение персонажа через границу семантического поля» [6, с. 282]. Это могут быть прагматические, топографические, этические, психологические, познавательные и прочие границы, переход которых нарушает норму, миропорядок. Оппозициональность исходной и получившейся через событие ситуации предполагает ряд условий, благодаря которым можно говорить о полноценном событии. В. Шмид предлагает (вслед за В.-Д. Штемпелем) в качестве *признаков событийности*: его *фактичность* или реальность; *результативность*, включая *релевантность*, *непредсказуемость*, *консекутивность* (как прозрение, перемена взглядов), *необратимость*, *неповторяемость* [4, с. 16–18]. Тем самым *структуралистское понимание событийности* включает в нарративные тексты событийно-динамические процессы в отличие от описательных текстов, транслирующих статическое состояние или циклические, рутинно повторяемые процессы, классификации, типологии, рассматриваемую среду.

Однако отобранное для повествования событие представляет собой лишь сырой материал, подлежащий дальнейшей переработке с помощью *нарративных операций*. В этой связи возникает вопрос о логическом различении уровней переработки повествовательного материала, занимавший умы русских формалистов (В. Шкловский, Л. Выготский, М. Петровский) с их дихотомией «фабула-сюжет» и представителей французского структурализма (Р. Барт, Ж. Женетт) с их разделением *истории* и *дискурса*. Мы воспользуемся четырехуровневой моделью В. Шмида [4, с. 158–159]

как примиряющей двухвалентные значения фабулы-сюжета и истории-дискурса. Кроме того, она перекликается с усилиями социально ориентированных нарративистов, имена которых более знакомы сторонникам качественного подхода (В. Лабоу, Дж. Валетцки, Ф. Шютце, В. Фишер-Розенталь и др.).

Введем основные понятия, используемые в этой модели, разворачивающейся от события к истории, далее к наррации и ее презентации.

- *Событие* – аморфная совокупность ситуаций, персонажей и действий, подлежащая бесконечному пространственному расширению, неограниченному временному отслеживанию в прошлом, членению внутрь и безграничной конкретизации.

- *История* – результат смыслопорождающего отбора ситуаций, персонажей, их действий из множества элементов и качеств событий. Их отбор приобретает вид естественного порядка (например, хронологического) в результате диспозиции¹.

- *Наррация* – результат композиции, реорганизующей элементы событий в искусственном порядке. В способы композиции входят: 1) линеаризация одновременно совершающихся в истории событий; 2) перестановка элементов истории.

- *Презентация наррации* – это собственно доступный эмпирической фиксации нарративный текст, переданный приемами языка (через вербализацию)².

Экскурс в нарратологические модели порождения имеет двоякую цель. С одной стороны, извлечь выгоду из междисциплинар-

¹ Диспозиция как установка отбора может пониматься и в узком смысле пресуппозиции. Как пишет М. Макаров: «Для успеха коммуникации необходим общий фонд знаний и верований, иначе говоря, у коммуникантов в феноменологическом поле должен присутствовать общий набор контекстуальных пропозиций – общий пресуппозиционный фон, без которого совместная деятельность порождения и понимания дискурса затруднена или невозможна» [7, с. 107].

² Первым двум уровням – события и история – соответствуют фабула и *histoire*, а вторым двум – наррация и ее презентация – сюжет и *discours*.

ного подхода, подразумевающего ознакомление с аналогичными темами сопредельных дисциплин. С другой стороны, произвести размежевание с микроисторией, построенной на иллюстративном материале повседневности. Мы концентрируемся на нелитературных текстах – рассказах людей о себе, своих событиях и пережитых опытах. Такие истории жизни, в центре которых сам рассказчик является действующим переживающим субъектом, представляют собой автобиографии и соответствующее исследовательское поле биографического (автобиографического) анализа в социологии. Исследователь *автобиографических текстов* «встречает» повествование «с конца», в отличие от литератора, соответственно его задача – в реконструкции тех нарративных приемов, с помощью которых рассказчик придает форму прожитой и переживаемой им событийности. Это относится и к его меняющейся с течением времени *идентичности*. Если пойти дальше, рассказчик создает (или соучаствует в этом) форму, посредством которой распознает в своей жизни то, что без этой формы бы не увидел.

Условия понимания в автобиографическом повествовании

Предструктурированность социального мира создает проблему понимания для социального исследователя, чьи герменевтические установки стали предметом рефлексии Ю. Хабермаса. Он вслед за Г. Шервхеймом вводит важное различие между установкой компетентного участника и компетентного исследователя, претендующего на теоретическое знание: «Тот, кто в роли *третьего лица* наблюдает нечто в мире или делает высказывание о чем-то в мире, занимает объективирующую установку. Напротив, тот, кто участвует в коммуникации и вступает в интересубъективное отношение в роли *первого лица* (Я) со *вторым лицом* (которое, в свою очередь, относится в качестве Другого к Я как второму лицу), занимает необъективирующую или, как мы сегодня

сказали бы, перформативную установку» [8, с. 10]. Но как совместить претензию на *объективность понимания* с перформативной установкой участника процесса взаимопонимания? Ответ, который обосновывает Ю. Хабермас, заключается в том, что опору дает обладающая внутренней рациональностью структура ориентированного на взаимопонимание действия, включая использование языка как механизма координации действий и достижения согласия, основывающегося на intersубъективном признании притязаний на значимость. Перформативная установка как минимум виртуального участника взаимодействия открывает перспективу объективной интерпретации наблюдаемых социальных процессов [8, с. 26–27].

В этом разделе мы проинвентаризируем рациональность тех условий, при которых может состояться понимание в процессе интервьюирования, как своего рода ориентиры для рассказчика и слушателя. Общим признаком рассказывания является вербальное отображение изменений во времени, передача событий или опытов, которые произошли в прошлом и значимы сегодня. Произошедшее как временная последовательность событий становится *историей* или *плотом (plot)* со смысловым порядком, подчиненным структуре значений. Соответственно *emplotment*¹ – перевод последовательности событий в действия истории, центром которой всегда является событие, приводящее к изменениям (необычному, неожиданному и дестабилизирующему, что нарушает нормальный ход вещей). Плот поддерживает *когеренцию/связность* – создает значимый порядок элементов через способ их связи. Эти усилия рассказчика по созданию структуры повествования обнаруживаются благодаря операциям *сегментирования* потока событий, *селекции* их элементов, их *линеаризации* в предложения, следующие одно за другим, и приписывания значений [9].

¹ *Emplotment* – сюжетосложение, термин, введенный Х. Уайтом, используемый им для описания историографического стиля в [10]. Позднее П. Рикер переведет это понятие на французский язык как *la mise en intrigue*.

Временное изменение, которое переживают персоны, отражается в определенном *сеттинге* (*setting*), так как язык рассказа насыщен определенными обстоятельствами времени и места [9].

Рассказ связан с пережитым персонажем или персональной *инстанцией*, порождающей точку зрения. Ее реконструкция становится возможной не благодаря заявлению о ней, подобная декларация скорее привела бы к постановке задачи о манифесте и латентном содержании. Через отбор событий пролагается смысловая линия, позволяющая судить о критериях их значимости для конкретной истории. Аналогично этому обнаруживаемая смысловая линия рассказа позволяет предполагать и основания *неотбора* в различных вариациях. Это и опускание незначимого для истории (например, пренебрежение частными сюжетами в рассказе о публичной карьере), и неотбор отрицаемых актуальной идентичностью мотивов для прошлых историй (например, переписывание воцерковленной личностью мотивов прошлых «греховных» деяний и страданий из-за них в смысловом ключе ниспосланного искупления), и неотбор значимых для истории элементов, фактически означающий смысловой разрыв, умолчание (например, пережитая социально-историческая травма, Холокост, репрессии, но и доносы, социально нелегитимные деяния).

Прошедшее становится историей, которая в свою очередь мотивирует нас в какой-либо форме. Поэтому к содержательным характеристикам рассказа (временное изменение, плот, персонажи и сеттинг) прибавляются и риторические – «как» рассказывается, исходя из определенной перспективы прошедшего, в которой манифестируется отношение рассказчика к прошедшему, перспектива *Я-рассказчика*. Двойная перспектива Рассказанного и Рассказывающего, по мнению М. Энгельгарта [11], означает, что *рассказывающее Я* в актуальной ситуации рассказа представляет его прошедшее, т.е. *рассказанное Я* как «вспомненного» носителя действий. Первое из них передает прошедшее как последовательность из перспективы пережитого, но которое сегодня далеко от

тогдашнего положения и знающее, чем все закончилось. Исходя из этой двойной временной перспективы, у рассказчика в распоряжении два идеально типически модуса изображения: перспектива *рассказанного времени* (время, в течение которого разыгрывается история) с ее тогдашним центром ориентации и перспектива *времени рассказа* («здесь и теперь» рассказа) как актуального центра ориентации.

Возникает вопрос о том, насколько реализуема попытка рассказчика погрузиться и воспроизвести себя, свои действия и мотивы, соответствующие рассказанному прошлому времени без искажения? В относительно недавних экспериментальных исследованиях памяти (Э. Тульвинг, Х.Й. Маркович, Д. Гриффит и др.) показано, что человеческая способность вспоминать составлена из семантической памяти, впоследствии переименованной Э. Тульвингом как память знания, и эпизодической памяти [12]. *Эпизодическая память* удерживает контекстуально (через время и место) связанные биографические эпизоды, которые позволяют путешествовать во времени, ее природа часто аффективна. Напротив, *память знания* (первично семантическая) контекстуально свободна и тем самым современна. Если эпизодическая память всегда основывается на активном вспоминании себя и собственно является индивидуально автобиографической, память знания соотносится с «чистым» знанием об информации. Поэтому отношение обоих видов памяти между собой – это встраивание эпизодического (вспоминания) на уровень знания, а не наоборот.

Другие особенности автобиографической памяти, по Э. Тульвингу, означают, что информация должна пройти сначала семантическую память, прежде чем она сможет достичь эпизодической, и что часть информации «отвердевает» на уровне знания, в то время как другая информация, связанная с контекстом, репрезентируется эпизодически. Если вызывать воспоминание, стимулируя в ситуации интервью рассказ о прошлом, насыщенный конкретными эпизодами, т.е. апеллировать к эпизодической памяти, то не удастся

отойти от семантики, заложенных значений, поскольку именно через семантическую память информация закладывается на хранение. Это означает принципиальную невозможность «очистить» автобиографическую память от субъективности, что порождает два методологических следствия: «реабилитацию» субъективности и встречный процесс развития техник нарративного опрашивания и анализа, сближающих *произошедшее-пережитое-рассказанное*.

В рассказе о прошлом занимается определенная дистанция к первоначально пережитым событиям. Первичные пласты пережитого опыта закрываются фильтром новой перспективы меняющегося информанта, «затираются» неоднократным рассказыванием, спровоцированным различными контекстуальными задачами. Вследствие этого они не отражают «тогдашний» мир – это модели или *миметические* отображения понимания мира на основе ожиданий, опытов, потребностей. Основания для этого следующие: двойная перспектива времени рассказывания, конструктивизм воспоминаний, влияние ситуации рассказывания и интерактивность процесса рассказывания.

Конструктивизм (или усилия рассказчика) воспоминания возникает при различении произошедших событий, при способе, как мы их тогда пережили, как мы сегодня о том нашем *пережитом Я* вспоминаем, и как мы об этом рассказываем. В зависимости от контекста («здесь и теперь» рассказа) возникает форма рассказа, продиктованная:

- *институциональными* характеристиками, которые задают определенные роли и функции рассказчика;
- *коммуникативными* целями как рассказчика, желающего вызвать определенные последствия, так и ожиданиями слушателя;
- *ситуативными*, «поводными» и прочими конвенциями рассказа, которые своими рамками вызывают типические рассказы, их нарративный репертуар.

Рассказывание, как только оно вырывается за пределы внутреннего монолога, – это коммуникация, интеракция со слушателем.

лем. Тем самым наш рассказанный опыт больше не наша частная конструкция. В этом смысле даже обращение к себе в дневнике содержит компоненты *Me* в смысле концепции Дж. Мида. Слушатель репрезентирует для нас как рассказчиков социальный горизонт нашей истории, выполняя важные функции социального признания. Уже в процессе рассказа автор ориентируется на понимание, развивая соответствующие стратегии. Их Ф. Шютце [13] назвал *когнитивными фигурами* спонтанного рассказа, выделяя содержательно следующие:

- представление рассказчика как носителя биографии и других персон;
- информация о месте, времени и ситуативных обстоятельствах, необходимых для понимания происходящего и его значения;
- передача цепочки событий и опытов, в которой автор тематизирует внешние и внутренние аспекты пережитого:
 - биографические схемы действий;
 - институциональные образцы жизненных путей;
 - кривые жизненных путей;
 - процессы перемен;
- погружение происходящего и персонажей в мир с определенными свойствами и правилами;
- передача автобиографического гештальт-опыта, который проявляется в пересекающихся взаимосвязях рассказа и оценках.

Наряду с когнитивными фигурами рассказчик следует поддерживать динамического принципа упорядочения повествования – *цугцвангам* конденсирования/уплотнения, детализации и создания гештальта, целостного образа. Итогом этой титанической малозаметной работы становится постулированная Ф. Шютце гомология пережитого рассказанному [14], максимальное приближение к структурам проживаемого опыта, «выращивание» нарративности в отличие от описательности, уводящей от событий, их переживаний и соответственно значений.

Рассказывание – это не только когнитивная конструкция и коммуникативная стратегия, оно также провоцирует эмоции,

презентирует их как акт замещения в прошлом. Разумеется, здесь необходимо развести описания эмоций или их тематизации и собственно выражение эмоций. Под последним, в отличие от фактически пережитого, подразумевается реинсценирование аффектов в контролируемой форме. Репрезентация действительности рассказчиком через действия *инсценирования* носит характер перформанса [15; 16]: влияние, убеждение, кокетство и прочее как род отношений, который рассказчик строит между собой и слушателем в процессе коммуникации.

Нарративная идентичность

Развернутый ответ на вопросы: «*Как Вы стали таким, какой/ая Вы есть?*» неизбежно приводит к сюжету идентификации. В этой связи под *нарративной идентичностью* принято понимать такие аспекты идентичности, которые отражаются и производятся в модусе автобиографической наррации [17; 18; 19]. Классический вопрос: «*Кто я?*» возможен благодаря специфической способности человека к саморефлексии, разделению себя одновременно на субъекта и объекта и занятию позиции, отношения к самому себе [17, с. 8]. Поэтому развитие этой темы видится, как минимум, в двух направлениях:

- Как вопрос о качественной идентичности – о приписываниях и предикатах, с которыми индивид себя определяет, его характеристики, диспозиции, групповые принадлежности, роли и оценки.

- В отношении структурных аспектов вопрос об идентичности – это вопрос о единстве личности в смысле непрерывности и когеренции/связности (внутренней согласованности). В этом смысле нам близка трактовка идентичности Ю. Хабермасом, который выделяет личностную и социальную идентичность, между ними как двумя измерениями балансирует Я-идентичность. Если личностная идентичность как вертикальное измерение обеспечи-

вает связность истории жизни человека, то социальная идентичность по горизонтали интегрирует различные требования ролевых систем, которым подлежит человек: «Установление и поддержание этого баланса происходит с помощью техник взаимодействия, среди которых исключительное значение отводится языку. Во взаимодействии человек *проясняет* свою идентичность, стремясь соответствовать нормативным ожиданиям партнера. В то же время человек стремится к выражению своей неповторимости» [20, с. 138].

(Авто)биография, зафиксированная на перекрестке таких структурных и качественных характеристик, представляет собой как преемственные, так и незаконченные идентификационные проекты, стартующие и завершённые социальные опыты. Теоретическое обоснование этого содержится в современных европейских теориях идентичности Х. Койпа, Й. Штрауба [17; 21] социально-конструктивистской и интеракционистской направленности. В них идентичность понимается не в форме стабильного и описываемого продукта, результата развития, завершаемого с вхождением во взрослое состояние, не как монолитный и онтологизируемый блок, а как открытый процесс длиной в жизнь, полицентричный и фрактальный, как *patchwork*.

В традиции философского анализа *нарративная идентичность* – философский конструкт, тематизирующий прежде всего темпоральную конструкцию идентичности как *эмплотмента* (Х. Уайт [10], П. Рикер [18], Д. Карр [9], Г.А.М. Виддерсховен [19]). Здесь рассказывание – средство для понимания человеком своей временности и способ придания смысла жизненному пути. Аналогично развивается «*нарративный принцип*» и в концепции Т. Сэрбин, согласно которому темпорально члененное и структурированное по смыслу упорядочение опыта превращается в *плот* через цель и функции рассказывания в ситуации коммуникации [22]. В социологическом подходе М. Зоммерса описываются нарративная идентичность, возможности познания и действия, диспозиции к действиям как погружение в задан-

ный «социальный нарратив», в котором акторы «обживают», социализируются, придают формы своим пережитым опытам [23]. При этом в центре не рассказывающий индивид, который в нарративной конструкции личной истории опыта создает идентичность. Рассказчик рассматривается как владелец и пользователь нарративно-опосредованной культуры, создающий свои опыты в предлагаемых формах, нарративных «*ready-mades*» [17]. Выбор в пределах одобряемых и доступных нарративов выражает тем самым его отношение к себе и подчиняет его условиям социальной регуляции. По этой логике нарративная идентичность возникает через перенимание *канонических нарративов* соответствующих групп, к которым индивид испытывает чувство принадлежности или к которым он институционально приписан. Соответственно возможности индивидуального нарратива весьма ограничены. Различия других концепций нарративной идентичности связаны с предметной областью анализа в зависимости от того:

- основываются ли они на автобиографических воспоминаниях;
- понимаются ли нарративы как внутренний монолог, который человек ведет о себе и других;
- постулируется ли квазивиртуальная история жизни, события которой имеют символическое значение;
- идет ли речь о рассказывании как форме познания;
- идет ли (в соответствии нашему подходу) речь о рассказах, которые человек в определенной ситуации производит как вербальное действие и которые могут стать предметом эмпирического анализа.

Важнейший медиум идентификационных усилий – язык. Лингвосимволическая сфера культуры дает возможности для социализации в риторической компетенции, доступ к нарративным формам, а через них – к образцам толкований и смысловым горизонтам.

Производство идентичности происходит в дискурсивных практиках повседневной интеракции, под которыми понимаются

формы языкового поведения. Дискурсивные практики в обществе – распространенные, часто рутинизированные решения для повторяющихся коммуникативных задач и проблем. Они имеют центральное значение, позволяя ответить на вопрос, как идентичность воспроизводится в языке и как осуществляется самоутверждение в повседневности. Тем самым рассказывание может быть рассмотрено как специфическая форма *дискурсивной практики*, которая через вербальное отображение опыта времени, композиционных усилий и потенциала реинсценирования открывает особые возможности дискурсивного производства и управления идентичностью. Конкретный субстрат эмпирического изучения нарративной идентичности – автобиографические рассказы, в которых акторы рассказывают пережитое. Они не вполне адекватны воспоминаниям как вербальные продукты, поскольку подлежат прагматическим и синтаксическим правилам, ситуативно и темпорально определены. Для анализа они описываемы как данные в форме протокола аудио- или видеозаписи. При этом возникает вопрос о том, какие данные считать релевантными для задачи эмпирического изучения нарративной идентичности? При ответе на него необходимо исходить из того, что эмпирическое исследование идентичности возможно на основе конкретных манифестаций того способа, каким личность достигает самопонимания и интеграции в трех аспектах:

- в темпоральном измерении – структурация и взаимосвязи автобиографических опытов, смыслов с временным изменением;
- в социальном измерении – относительно активности субъекта в социальном позиционировании, социальной мобильности;
- в саморефлексивном измерении – обоснование своего Я, представлений о целостности, связности биографического конструктора с различными аспектами личностного опыта.

Итак, для социолингвистического и дискурсивно-психологического подхода нарративная идентичность конституируется непосредственно в речевых практиках повседневных рассказов. В этом смысле нарративная идентичность есть способ, каким

человек в конкретных интеракциях осуществляет идентификационную работу как нарративное изображение и производство ситуативно-релевантных аспектов своей идентичности. Это локальная и прагматически размещаемая идентичность, которая производится и изображается посредством автобиографического рассказа и вследствие этого является лишь частичной идентичностью, не реализующей *самости личности* и не обладающей онтологическим статусом.

Связность/когерентность (авто) биографии

Нарративная идентичность и биография теоретически или в идеале обладают связностью/когерентностью, понимаемой как создание связного образа на основе автобиографических воспоминаний и биографической перспективы на собственное прошлое. Эта связность принадлежит к числу *социализируемых компетенций* (темпоральная непрерывность, синхронная плотность), предполагающих сложную работу по воспоминанию и рефлексии. Чаще под *когерентностью* понимается либо достигнутая идентичность в биографии, либо формообразующий принцип истории жизни до рассказа о ней [17; 21]. Более того, в некоторых актуальных теориях идентичности, концепциях К. Гергена, Х. Херманса [24; 25] невозможность когерентности в биографическом проекте рассматривается в качестве характеристики постмодерна.

В этом дискуссионном понятии когерентности важно вычлениить различные уровни анализа, особенно в перспективе изучения, например, «разорванных» социально-историческими факторами биографий, что характерно для российской биографики XX в. Тогда сложности обеспечения когерентности биографии рассказчиками, пережившими социальные травмы, гипотетически должны найти отражение в биографических разрывах и фигурах умолчания. В любом случае проблемы когерентности могут сигнализировать как о идентификационных проблемах личности

рассказчика, так и быть особенностью нарративного текста, жанр которого может и не учитывать нелегитимных опытов рассказчика, питающих идентификационные поиски. Поэтому когерентность может пониматься как на локально-текстуальном, так и глобальном уровне биографии в целом. Под *локальной когерентностью* понимается причинно-следственная, конечная взаимосвязь между предложениями внутри секвенций как смысловых единиц текста и аргументами, в противном случае текст утрачивает информативность и понятность [26, 27]. Если же текстуальный анализ не позволяет реконструировать усилия рассказчика по достижению локальной когерентности, дополняемые расспрашиваниями в процессе рассказывания в расчете на слушающего, то это становится особой исследовательской задачей.

В отличие от локальной *глобальная когерентность* понимается как способность совмещения в когерентном образе или гештальте автобиографических воспоминаний и биографической перспективы на собственное прошлое. Эта компетенция является результатом социализации и взросления, так как ей предпослана сложная работа по воспоминанию и рефлексии [28]. Глобальная когерентность включает темпоральную непрерывность, а также синхронизацию образов Я и действий рассказчика в различных сферах жизни. Соответственно, в высшей степени дискуссионным является вопрос о недостатке глобальной связности – это симптом *дефицитарной идентичности* или характеристика постмодерна, под влиянием которого противоречивые интенции различных социальных устремлений индивида не складываются в когерентный образ.

Дальнейшее углубление в дискуссию о глобальной когерентности биографии и идентичности позволяет выделить следующее. С одной стороны, она может быть понята как качество идентичности рассказчика, т.е. как существующее вне текста и независящее от него, лишь получающее свое выражение в тексте. С другой стороны, она может выступать как признак текста, свойство автобиографического рассказа. Во многих работах, более того, направлениях – это narra-

тивная психотерапия, рассказывание историй жизни имеет именно этот эффект производства когерентности, ремонта биографии за счет разработки нового позитивного нарративного сценария, как в работах Дж. Гумбриум и Дж. Хольстайна [29], Дж. Фридман и Дж. Комбс [30].

Но заявка на исследование нарративной идентичности как эмпирического феномена обязывает отнести к когерентности как не априори данному, а достигаемому качеству либо самой личности рассказчика, либо характеристики текста. Очевидно, также необходима герменевтическая диспозиция исследователя, до известного момента уверенного в когерентности идентичности и биографии рассказчика. «Но всякое понимание вообще строится в горизонте обманутого ожидания, – как утверждает М. Ямпольский, – Когда мы начинаем читать любой текст, мы понимаем его только потому, что проецируем на него какое-то ожидание смысла и несостоятельную традицию» [31].

В заключение подчеркнем, что перспектива эмпирического исследования *нарративной идентичности* оформляется в виде «трояственного» междисциплинарного союза социологии, лингвистики и литературоведения, хотя такая перспектива и пугает некоторых теоретиков. Так, И.П. Ильин, суммируя итоги постмодернистской нарратологии, – восприятие сознания как текста, структурированного по законам языка, и организация его как художественного повествования, – делает вывод, что «сама личность в результате своего художественного обоснования приобретает те же характеристики литературной условности, вымышленности и “кажимости”, что и любое произведение искусства, которое может быть связано с действительностью лишь весьма опосредованно и поэтому не может претендовать на реально-достоверное, верифицируемое изображение и воспроизведение любого феномена действительности, в данном случае, действительности любого индивидуального сознания» [32, с. 100–101]. Нам представляется, скептицизм И. Ильина выращен на анализе теорий нарратологии

в узком ее смысле, как порожденной литературной теорией структуралистского направления (личность как «самоповествование» у Слугосского и Гинзбурга, «рассказовые структуры личности» у К. Мэррея, повествовательные модусы Н. Фрая). Более широкое толкование нарративности, распространяемое на социологические понятия действия, идентичности и повседневного знания и верифицируемое не через литературные источники, а эмпирически доступные феномены биографического дискурса, открывает иной когнитивный стиль исследования – *деперформатизацию биографии*, т.е. деконструкцию «обжитой» нарративной формы биографического перформанса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Giddens A. New Rules of Sociological Method: A Positive Critique of Interpretative Sociologies*. 2nd ed. N.Y.: Polity Press, 1993.
2. *Бурдые П.* Биографическая иллюзия // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2002. № 1. С. 75–81.
3. *Зенкин С.* Критика нарративного разума: Заметки о теории // НЛЮ. 2003. № 59 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/zen.html>.
4. *Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.
5. *Тюпа В.* Очерк современной нарратологии // Критика и семиотика. Новосибирск: НГУ, 2002. С. 5–31. Вып. 5.
6. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста. М.: Изд-во «Искусство», 1970.
7. *Макаров М.Л.* Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь: Тверской госуниверситет, 1998.
8. *Хабермас Ю.* Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7. № 3. С. 3–33.
9. *Carr D.* Time, Narrative and History. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press, 1986.
10. *Уайт Х.* Метаистория: историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ.; Под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002.
11. *Engelhardt M.* Biographie und Identitaet: Die Rekonstruktion und Praesentation von Identitaet im muendlichen autobiographischen Erzaehlen // Wer schreibt meine Lebensgeschichte? Biographie, Autobiographie, Hagiographie und ihre Entstehungszusammenhaenge / W. Sparrn. Guetersloh: Mohn, 1990. S. 197–247.

12. *Markowitsch H.J.* Die Erinnerung von Zeitzeugen aus der Sicht der Gedächtnisforschung // BIOS (Zeitschrift fuer Biographieforschung und Oral History), Heft 1/2000. S. 30–50.

13. *Schuetze F.* Kognitive Figuren des autobiographischen Stehgreiferzaehleins // Biographie und soziale Wirklichkeit: Neue Beitrage und Forschungsperspektiven / M. Kohli, G. Robert. Stuttgart, 1984. S. 78–117.

14. *Schuetze F.* Biographieforschung und narratives Interview // Neue Praxis. 1983. No. 3. S. 283–293.

15. *Austin J.L.* Performative Ausserungen // Gesammelte philosophische Aufsaezte. Stuttgart: Reclam, 1986. S. 305–327.

16. *Bamberg M.* Is there Anything Behind Discourse? Narrative and the Local Accomplishment of Identities // Challenges to Theoretical Psychology / Ed. by W. Meiers, B. Bayer, B.D. Esgalhado, R. Jorna, E. Schraube. North York: Captus University Publications, 1999. P. 89–132.

17. *Keupp H., Ahbe T., Gmuer W., Hoefler R. u.a.* Identitaetskonstruktionen: Das Patchwork der Identitaeten in der Spaetmoderne. Reinbek: Rowolt, 1999.

18. *Ricoeur P.* Narrative Identity // On Paul Ricoeur: Narrative and Interpretation / Ed. by D. Wood. L.; N.Y.: Routledge, 1990.

19. *Widdershoven G.A.M.* The Story of Life: Hermeneutic Perspectives on the Relationship between Narrative and Life History // The Narrative Study of Lives / Ed. by R. Josselson, A. Lieblich. Newbury Park, Ca.: Sage, 1993. P. 1–20. Vol. 1.

20. *Антонова Н.В.* Проблема личностной идентичности в интерпретации современного психоанализа, интеракционизма и когнитивной психологии // Вопросы психологии. 1996. № 1. С. 131–143.

21. *Straub J.* Identitaetstheorie, empirische Identitaetsforschung und die «postmoderne» armchair psychology // Zeitschrift fuer qualitative Bildungsberatung und Sozialforschung. 2000. N. 1. S. 167–194.

22. *Sarbin T.* The Poetics of Identity // Theory & Psychology. 1997. No. 7. P. 67–82.

23. *Somers M.R.* The Narrative Constitution of Identity: a Relational and Network Approach // Theory and Society 1994. No. 23. P. 605–649.

24. *Gergen K.* Die Konstruktion des Selbst in Zeitalter der Postmoderne // Psychologische Rundschau. 1990. N. 41. S. 191–199.

25. *Hermans H.* The Coherence of Incoherent Narratives // Narrative Inquiry. 2000. No. 10 (1). P. 223–227.

26. *Beaugrande R.-A., Dressler W.U.* Einfuehrung in die Textlinguistik. Tuebingen: Niemeyer, 1981.

27. *Sanders T., Spooren W., Noordman L.* Toward a Taxonomy of Coherence Relations // Discourse Processes. 1992. No. 15. P. 1–35.

28. *Habermas T., Paha Ch.* The Development of Coherence in Adolescents' Life Narratives // Narrative Inquiry. 2001. No. 11 (1). P. 35–54.

29. *Gubrium J., Holstein J.A.* Narrative Practice and the Coherence of Stories // *The Sociological Quarterly*. 1998. No. 39 (1). P. 163–187.

30. *Freedman J., Combs G.* Invitations to New Stories: Using Questions to Explore Alternative Possibilities // *Therapeutic Conversations* / Ed. by S. Gilligan, R. Price. N.Y.: Norton, 1993. P. 291–303.

31. *Ямпольский М.* Настоящее как разрыв: Заметки об истории и памяти // *НЛО*. 2007. № 83 // <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/83/ia6.html>.

32. *Ильин И.П.* Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998.